

Домой, на родину, к любви!

ЭТО история бегства и возвращения. Ненависти и любви. Начала и конца. Между этими двумя людьми, что держатся за руки, пропасть не лет - столетий. И всё-таки они вместе...

ВПЕРВЫЕ Михаил Стахович ехал в Россию в свои 70 лет. Холодной зимой 91-го за рулём старого авто, седой, как иней за окном, он пересекал Европу на восток и вёз в прицепе гуманитарную помощь для никогда не виденной Родины. Вёз в Пальну-Михайловку, родовое гнездо его дворянской фамилии, из которого Стаховичи бежали в 1917-м. В липецком селе его встречали два пирамидальных дуба, которые саженцами были привезены его предками ещё с той, XIX века, кавказской войны, председатель колхоза и старуха Мокринская. Повели на пустырь: "Ваше фамильное кладбище здесь. Мальчишки играли в футбол черепами"... А потом старуха Арина Мокринская села на стульчик в хвосте очереди за гуманитаркой. "Барин вернулся..." В последние несколько лет на вопрос о возрасте она всегда называла одну только цифру - 107, видимо, сбившись со счёта... Бывшая дворовая девка Ариша - она помнила всё.

Апогей семейного счастья

ПОМНИЛА позднее лето где-то на рубеже веков: светлый лес в имении, под старой сосной кучер топил шишками самовар, раздувая его сапогом. Пикник, девки сбились с ног подавать, все Стаховичи - пальцев рук не хватает - в сборе. Они замерли перед треногой фотоаппарата, чтобы это лето пережило их самих на коричнево-белом снимке. Вылетела птичка, и на семейном портрете остались ещё и кучер, и сапог... "Это был апогей семейного счастья старой моей семьи, была достигнута какая-то предельная точка, дальше которой идти некуда, и волна откатывается назад", - писал отец Михаила Стаховича в эмиграции.

Волна откатилась быстро. По льдам Финского залива, через Крым и Шанхай, врассыпную - Стаховичи бежали и рассеялись по свету.

Вернуться будет суждено одному. На тот момент даже не рождённому.

...Дедовские дубы, голодные старухи, умирающий на глазах колхоз - в 1991-м Пальна-Михайловка снова была в агонии. Он вернулся. Один из всех. Рождённый в изгнании. Спустил целую жизнь. Стаховича, по рассказам отца знавшего каждую тропку этого села наизусть, как если бы сам пил чай на том пикнике, председатель водил по селу. По заросшему лесу, бывшему когда-то парком, который Репин писал с балкона отцовского дома. По дому, ставшему теперь Дворцом культуры с дискотеками под баян. По глубоким корням. По открытым ранам.

...Стаховичи родили Мишу в Италии, в 1921-м. Топтаными эмигрантскими тропами они кружили по Европе, чтобы наконец осесть в Австрии. Отец маленького Миши, в прошлой жизни атташе имперской дипмиссии, зарабатывал уроками тенниса... В Пальне-Михайловке было два огромных корта, старуха Мокринская должна помнить. После революции их засеяли свёклой.

Несмотря на 107 лет с хвостиком, она должна была помнить, и как растащили надгробные плиты из усыпальницы Стаховичей, построенной знаменитым Жилиярди, на стены для подпола, чтобы держать в холоде картошку. И как на пятачке перед аллеей, где в дни больших приёмов разъезжались кареты, поставили стенд "Вести с полей". И как развели свиней в конюшнях известного на всю Россию конезавода. (Когда-то, ещё до всего этого, босиком приходил в Пальну-Михайловку погостить Толстой, и Стаховичи подарили бородатому и босому сюжет про коня. Его Холстомер родом из этих конюшен.)

Старуха Мокринская пережила и писателя, и войну.

В своих не стрелял

В 41-м ПИОНЕРЫ, облив бензином стены, жгли барский дом, контору колхоза. Враг был на подступах.

- Мы стояли под Кандалакшей, из окопов по ту сторону фронта были слышны русские песни...

Михаил Стахович, 20-летний унтер-офицер связи немецкой армии, три года был на передовой, на подступах к Родине. Он был ранен пять раз, но сам никогда не стрелял. По ночам он ходил в разведку и слушал родную речь - военные сводки, перебивающиеся матерком в адрес фашистов. А днём читал вслух "Записки охотника" военнопленным - неграмотным мужикам из-под Рязани. Те говорили спасибо.

Как и отец, после войны Михаил Стахович играл в теннис. Входил в десятку лучших в мире. Двадцать лет преподавал в Америке. Женился на Муне, урождённой графине Шерейни. Родил троих детей, которые живут в Швеции, Австрии и во Флориде. Дружил с Ростроповичем. Играл на виолончели. Инструмент был старше его на три века.

Эта виолончель в 2006-м тоже приехала с ним умирать в Россию.

Этого старуха Арина Мокринская, дворовая девушка Стаховичей, которая всё-таки ушла в мир иной в возрасте сильно за 107 лет, уже не застала. Как и того, что хозяйского сына нашла здесь любовь.

"Я так рад, что Ты есть!"

- ОХ, ОН будет ругаться, когда узнает, что я показывала его письма... - Танины глаза озорно блестят.

Но я не могу не смотреть на эти открытки, писанные почерком древних летописей. Они начали приходить из Австрии в Пальну-Михайловку после того, первого визита Стаховича, когда он приехал с прицепом гуманитарной помощи, и ложились на стол 27-летней Тане, инженера по газу. "Я так рад, что Ты есть!" - от этих строчек невозможно отвести взгляд.

Они познакомились в его отчем доме - Дворце культуры, он же контора колхоза, и под завывания пьяного баяна танцевали на сельском празднике вальс.

- Мы читали друг другу что-то из Пушкина, и потом я спросила его: "Теперь вы счастливы?"

Спустя 70 лет, на вытертом линолеумном полу, чужой и старый, счастлив ли? Ответ заглушил пьяный рёв баяниста...

С тех пор, приезжая каждый год в Пальну-Михайловку, он всегда просил разыскать ему Таню, и её всем селом находили. "Я с козами и тремя детьми, он на иномарке". В одиночку она полола гектары свёклы на бывших полях для тенниса, проводила в село газ, рожала детей, выгоняла нерадивых мужей, работала на трёх работах и красила голубыми тенями глаза. Это была ода русской бабьей доле... в которую влилась лебединая песнь величественного старика, всю жизнь, оказывается, ждавшего этого свидания с домом.

- Прошлым летом он позвонил: "Таня, у меня горе. Умерла жена". Я положила трубку и уже знала, что он позовёт меня замуж. Тогда я была директором Дома культуры. Его бывшего дома.

Всю свадебную, февральскую, церемонию в венском дворце Мирабель, окружённая целым сонмом седых заграничных Стаховичей, Таня думала про себя: "Господи, что я делаю?" Дрожала виолончельная струна, звучал последний куплет. Обратно в Пальну-Михайловку, в Танину скромную хату на краю села,

теперь уже навсегда они везли все его вещи. И в огромном вагоне возвращались домой граммофонные пластинки, на которых был голос Льва Николаевича, коричнево-белые снимки и виолончель, старше хозяина на три века.

...Он играет, и я слышу мелодию, звучащую диссонансом, горьким и честным. Его виолончель, с резким обрывом струны, и протяжные стоны загулявшего на деревне баяна. Его тонкие пальцы, перебирающие фотографии, на которых светит солнце XIX века, - и её потемневшие от работы руки. Его сегодняшние 85 и её - 42. Она, подоткнув платье, забралась на стремянку: сама белит его отчий дом - район отпустил Дворцу культуры денег на краску. "Как Микеланджело в Риме", - комментирует он.

Он играет. Смычок чуть касается струн. И то последнее счастливое лето на рубеже прошлых веков кажется ближе и реальнее, чем вся прожитая жизнь. Которая была не здесь и не так.